

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 1 (37)

ИСТОРИЯ АДЫГОВ В ДОКУМЕНТАХ АКТОВ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

В период с 1866 по 1904 годы в Тифлисе были опубликованы 12 томов (VI и XII тома в двух частях) выдающегося собрания документов по истории российской политики на Кавказе – Актов Кавказской археографической комиссии (АКАК). Издание было осуществлено усилиями Кавказской археографической комиссии во главе с академиком Адольфом Берже. Издание является библиографической редкостью. Документальные источники, опубликованные Берже, составили основной фонд опубликованных документов по истории кавказских народов последней трети XVIII – середины XIX в. Предлагаем вниманию читателя подборку наиболее информативно значимых документов, касающихся вопросов военно-политической истории адыгов периода Кавказской войны, масштабных реформ, предпринятых наибом Шамиля в Черкесии Мухаммед-Амином, направленных на создание унитарного военно-теократического государства.

Записка ген.-л. Рашипи
ген.-л. Завадовскому о ходе
дел за Кубанью, 2 июля 1850
года. Ессентуки.

После произведенного Мухаммед-Эмином возмущения в хамышейском и киркинейском покорных племенах, в конце апреля сего года, в обществе хамышейцев вскоре произошли несогласия, вследствие которых аулы: подпор. кн. Мисоста Хаджемукова, прап. Бейслана Улоова и прап. Тлаустена Инармиса, не признавшие власти Мухаммед-Эмина, последовали примеру аула л.-гв. ротм. Султана-Сагат-Гирея и переселились на правый берег Кубани, где и теперь находятся.

Аул прап. Алкаса Бжегако, прикрытый мостовым Алексеевским укреплением, также стал в положение совершенной готовности перейти к нам, и вследствие того все скотоводство сего аула переведено на нашу сторону. Все прочие аулы хамышейские, во главе которых стоят князья прапорщики: Джанклыш Хаджемуков и Инжар Крымчерико и прап. Науруз Шумоноко, а также все без исключения киркинейские [601] князья и дворяне со своими подвластными приняли присягу на безусловное повиновение Мухаммед-Эмину. Присяга киркинейцев началась с кн. подпор. Аладжуко Ахеджакова, по-

том присягнули князья прап-ки: Андар Эльбуздок, Пшемаф Кончуков, Магомчери Ахеджаков и все прочие князья и дворяне с их подвластными.

Разосланные к главнейшим лицам хамышейского и киркинейского племен прокламации от командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, ген.-л. Завадовского, от 1 мая, имели самое благоприятное действие. Не прошло 10 дней, как старший владетельный хамышейский князь Джанклыш Хаджемуков и дворяне, присягнувшие Мухаммед-Эмину, уполномочили кн. подпор. Мисоста Хаджемукова с несколькими дворянами заявить нам, что они присягнули Мухаммед-Эмину только потому, что не могли удержать в повиновении своего народа и были увлечены к присяге безотчетным страхом и желанием избежать разорения и пролития крови; но искренне никогда не были расположены в пользу Мухаммед-Эмина и теперь сохраняют всю преданность к нам и готовы повиноваться нам по прежнему; только не могут предпринять открытого восстания против Мухаммед-Эмина, сильною своей властью у абадзехов.

Вскоре после того, и именно 14 мая, киркинейский князь Пшемаф Кончуков прислал также ответ на доставленную к нему прокламацию, в которой, объясняя свое поведение вынужденными обстоятельствами, выразил уверенность свои в искренней преданности нашему правительству и готовности следовать нашим повелениям. Общество хамышейского аула Энем, управляемого прап. Наурузом Шумоноко, также прислало депутатов с раскаянием за данную Мухаммед-Эмину присягу и с изъявлением своей преданности к нам. Только киркинейские князья подпор. Аладжуко Ахеджаков и прап. Андар Эльбуздок и хамышейский князь Инжар Крымчерико не дали ответов.

Я отвечал на все эти представления изъявлением желания ходатайствовать о прощении виновных за их заблуждение, но только тогда лишь, когда буду убежден на деле в искренности их обещаний.

Что касается до Мухаммед-Эмина, то он, приняв присягу от хамышейцев и кирке-

нейцев на безусловное повиновение ему и получив от них в свою службу муртезеков с содержанием от обществ, обратил внимание на шапсугов и с этой целью, в последних числах минувшего мая, принял к ним движение с партией муртезеков; но жители аулов на рр. Шебже и Афиapse (шапсуги), узнав о намерении Мухаммед-Эмина, предупредили его своим приездом на р. Псекупс и решительно воспротивились прибытию его в землю шапсугов с муртезеками; но самому ему дозволили въезд в землю их в качестве гостя. Недовольный отказом, Мухаммед-Эмин изобрел предлог будто бы ночью получил повеления от Шамиля, вследствие которых должен возвратиться на р. Шагуаше, где он основал главное свое убежище; на самом же деле, он тотчас по прибытии туда объявил большой сбор абадзехам и прислал к хамышейцам и киркинейцам требования, чтобы и они выслали в сборище по одному человеку от каждого двора. Абадзехи начали собираться; киркинейцы оставались в нерешимости; хамышейцы явно старались уклониться от этого требования, опасаясь, что участие их в сборище Мухаммед-Эмина подаст нам справедливый повод открыть против них военные действия. В таком положении к Мухаммед-Эмину прибыла депутация от шапсугов, для новых объяснений. Сбор между тем шел медленно. Видно было, что никто не почувствовал интересам Мухаммед-Эмина, не он старался показывать вид, что занят делами шапсугов и на успех сбора не обращает внимания, рассчитывая таким равнодушием отклонить всякое сомнение насчет могущества своего в глазах опасных свидетелей – шапсугов. В переговорах прошло несколько дней; но результаты объяснений оказались весьма неблагоприятными для Мухаммед-Эмина. Шапсуги, имея во главе известного опытною и уважением в народе старшину Узбанноко Хаджи Кобле, решительно объявили Мухаммед-Эмину, что ни под каким видом не допустят его сделаться повелителем шапсугского народа, по-

добно тому, как утвердился он у абадзехов, но не препятствуют ему отправиться к ним в качестве проповедника мухаммеданской религии – не более. Никакие убеждения Мухаммед-Эмина не могли поколебать решения шапсугов и часть их вскоре возвратилась в свои владения; другие же оставались еще несколько дней по убеждению Мухаммед-Эмина, но и последние возвратились около 17 сего июня, объявив решительно Мухаммед-Эмину, что в объяснения с ним относительно управления народом они тогда только могут вступить, когда он предъявит им несомненные доказательства уполномочия своего от турецкого султана. Но как ни удовлетворительны были объяснения на р. Шагуаше, где он основал главное свое убежище, Мухаммед-Эмином, [602] у шапсугов распространились слухи, будто бы посланные их изменили народу и тайно заключили условие с Мухаммед-Эмином предать народ во власть его. Вследствие чего жители аулов на рр. Шебже и Афиapse, те самые, которые первоначально встретили Мухаммед-Эмина на Псекупсе, опять собрались на р. Шебже с решительным намерением воспротивиться Мухаммед-Эмину с оружием в руках, если бы он вздумал проникнуть к ним. Собрание это до сих пор находится в ожидании Мухаммед-Эмина.

Таким образом, Мухаммед-Эмин испытал две неудачи: во-первых, в том, что назначенный им сбор абадзехов и бжедухов не состоялся в таком большом размере, как он предполагал, а во-вторых, что шапсугские послы, которые он хотел поразить своим могуществом, не могли получить благоприятного для Мухаммед-Эмина впечатления и даже не оставили для него надежды приобрести власть у них.

Но до сих пор еще цель сбора скопища абадзехов Мухаммед-Эмином не объяснилась положительно: одни говорят, что Мухаммед-Эмин желал убедиться в готовности принявших присягу действовать в его видах; другие утверждают, что цель сбора состояла в том, чтобы заставить шапсугов признать власть его, а третьи – что

намерения его простирались на бесленеевцев, как я доносил уже 12 прошлого июня, N 1999, или на темиргоевцев, как это и состоялось; но для увлечения темиргоевцев не нужно было значительных сил и, как говорят, цель достигнута с малыми силами.

Утверждают, что киркинейцы и хамышейцы истожились в изобретении предлогов, чтобы не участвовать в сборище по требованию Мухаммед-Эмина, и успели уклониться от этого требования, а князья: киркинейский – Пшемаф Кончуков и хамышейский: Джанклыш Хаджемуков и Инжар Крымчерико, которых лично требовал к себе Мухаммед-Эмин, отозвались больными – каждый о себе порознь, не зная, что все вместе дали один и тот же ответ.

Вообще же, по всем сведениям, получаемым из-за Кубани, и по самому ходу дел известно, что абадзехи до крайности тяготеют властью Мухаммед-Эмина, но недостает у них только решимости на открытое восстание против него; что в отказе шапсугов Мухаммед-Эмину принимали тайное участие некоторые почтеннейшие абадзехи и что от твердости шапсугов все ожидают перемены обстоятельств и случая ниспровергнуть власть Мухаммед-Эмина. Таково именно теперь направление умов, и главное, что все горцы: абадзехи, шапсуги, натухайцы связаны общими интересами меновой торговли и опасаются, чтобы, по причине возникающих волнений, правительство наше не запретило торговых сношений с ними, всю важность которых они так хорошо понимают и знают, что в случае повсеместного прекращения пропуска к ним товаров и запрещения выезда за границу они придут в самое бедственное положение.

Что касается бжедухов, то в искренности намерений их при настоящих обстоятельствах оставаться под нашим покровительством нельзя сомневаться, потому они более всех прочих горцев поняли пользу нашего покровительства и не могут не тяготиться своим отчуждением от нас. Редкий день проходит, чтобы я не слышал жалоб от них на настоящее положение дел и раскаяния за признание власти Мухаммед-Эмина, слишком для них тягостной. В последний раз хамышейский князь Джанклыш Хаджемуков, тяготясь положением своим, присылал просить доставить ему случай пересказать доверенному лицу решительные свои намерения. Вследствие сего я посылаю на

ИСТОРИЯ АДЫГОВ В ДОКУМЕНТАХ АКТОВ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Велико-Марьинский пост, 22 числа прошлого июня, адъютанта наказного атамана, есаула Короленко, для выслушания объяснений кн. Джанклыша Хаджемуква. Но случилось, что в то самое время когда есаул Короленко и кн. Хаджемуквы условились видаться, стеклось с обеих сторон Кубани множество черкес, совершенно по другим причинам, и потому Хаджемуквы не мог явиться, боясь преследования Мухаммед-Эмина и участи кн. Богарсукова, как говорят, недавно заплатившего жизнью за сношения с нами на правом фланге Кавказской линии, но поручил посланным с правого берега Кубани кн. Мисосту Хаджемукву и прап-тену Инармису передать от него, что все хамышейские и киркнейские князья и дворяне искренне раскаиваются в принесенной Мухаммед-Эмину присяге, что даже и простой народ большей частью уже понял свое заблуждение и желает возвратиться под покровительство наше, но что открытого восстания они сами собой никоим образом сделать не могут, а потому просят оказать им пособие к освобождению от ненавистой власти Мухаммед-Эмина и что для этого они готовы на все меры, какие удобно было бы правительству предпринять в пользу их, и согласны на самое переселение в места безопасные – от внешних волнений; но всего более убеждают правительство оградить их земли цепью укреплений, чтобы [603] закрыть их от абдзехов. А что касается до покорности их, то они безусловно передаются во власть нашу и готовы быть полезными нам по мере сил своих, лишь бы только на настоящих землях своих они были спокойны и защищены от покушений неприязненных горцев.

Акты Кавказской археографической комиссии. Т. X. Тифлис, 1885. С. 600-603.

Извлечение из рапорта ген.-адъют. Будберга кн. Воронцову, от 3 июля 1850 года, N 43.

После донесения моего, от 30 мая, N 31, получил я сведения, что у натухайцев и шапсугов было общее народное собрание, которое, под влиянием дворянства, решило, что нет пользы принимать Мухаммед-Эмина, что, не устроив ничего хорошего у абдзехов, он начинает обременять их налогами, сажает в заключение людей ему не угодных и самовластвует и, наконец, что, приняв Мухаммед-Эмина, народ должен был бы прервать все сношения с русскими и потерять выгоды доброго с нами согласия. Не смотря на то, муллы и неблагонамеренные люди, узнав, что Мухаммед-Эмин отправляется к шапсугам, поехали к нему на встречу. Остановленные на пути шапсугами, они хотели прорваться силой, но после происшедшей по этому случаю

стычки шапсуги отняли у них лошадей и не пустили их далее. Мухаммед-Эмин прибыл в долину Псекупса 30 мая, но шапсуги его не приняли и он должен был возвратиться в тот же день в землю абдзехов. Нескольким муллам удалось, однако, пробраться к нему позже. По возвращении к себе, они были потребованы к народному суду, в котором их спрашивали, кто уполномочил их вести переговоры. Они оправдывались тем, что ездили к Мухаммед-Эмину не для переговоров, а для исполнения своего долга, чтобы, по званию своему, приветствовать высшее духовное лицо. Во всех этих противодействиях Мухаммед-Эмину главное участие принимали дворянство и богатейшие люди из свободного сословия, которые, наконец, лучше поняли дух его учения с будущими последствиями властолюбивых его видов и угрожающую им опасность. К сожалению, они поняли это довольно поздно, когда проповедывание Мухаммед-Эмином и предшественниками его Хаджи-Мухаммедом и Сулейман-эфенди мусульманского равенства глубоко внесло в недра общества крайний демократический дух. Два года тому назад натухайское дворянство видело уже опасность и намерено было искать опоры в нас против возрастающей силы и требований свободного сословия тохавов (тфокотлей. – Прим. С. X.), но только что оно вступило в переговоры с начальством Черноморского казачьего войска, как тохавы потребовали их к народному суду, обвинили в самовольных переговорах без согласия народа и обложили тяжелой пеней. Теперь дворянство всего прибрежного народонаселения черкес, убедясь опытом последних лет в справедливости опасений натухайских дворян, когда дух неуважения и глухой вражды против дворян проник в земли убыхов и прибрежных шапсугов, решилось соединить свои усилия для восстановления прежних своих прав, ниспровергнутых большей частью в течение последних 60 или 70 лет. В бытность мою на береговой линии в конце июня, несколько убыхских старшин, избегая гласности, прибыли ко мне в Сухум для переговоров. Они объявили мне, что дворянство убыхов и прибрежных шапсугов имеет намерение действовать соединенными силами против тохавов и принудить их вооруженной рукой к признанию древних своих прав, но что, не уверенное в успехе без сильного нашего содействия, оно изъявляет нам свою преданность и просит поддержать их войсками в этом важном предприятии. Вместе с тем, [682] оно полагает полезным действовать с нами против общего врага – Мухаммед-Эмина, который находит сочувствие в низшем классе народа. Нет сомнения, что вмешательство наше во внутренние раздоры черкес, имея на

своей стороне довольно сильную партию в народе, могло бы принести нам пользу, как для утверждения владычества нашего в крае, так и для противодействия успехам Мухаммед-Эмина, но для этого потребовались бы значительные средства и напряженные усилия. Упадок значения дворянства дошел столь далеко и продолжается столько времени, что нельзя восстановить этого сословия одной экспедицией, а тем более действием в малых силах. Необходимо – или не начинать этого дела вовсе, или сильно его поддерживать, имея всегда в готовности значительный отряд. Не располагая достаточными для этого силами и зная затруднения в настоящее время к назначению для действий на береговой линии посторонних войск, я должен был уклониться от решительных объяснений с убыхскими старшинами, обещая им, во всяком случае, покровительство и поддержание их нравственным влиянием.

АКАК. Т. X. С. 681 - 682.

Извлечение из рапорта ген.-адъют. Будберга кн. Воронцову, от 17 октября 1850 года, N 107.

При осмотре моем Черноморской береговой линии я старался собрать верные сведения о расположении умов туземных жителей и намерениях их в пользу или во вред Мухаммед-Эмина. Вникая в дух народонаселения, я убедился, что, за исключением духовенства, незначительного числом, и людей беспоконного характера, все сословия одинаково желают избежать власти наиба, и в тех местах, где он был, жители смотрят на отбытие его, как на избавление от нашествия. Но жителями прибрежного края овладел панический страх, под влиянием которого они составили убеждение, что не в силах сопротивляться Мухаммед-Эмину, который обязан своими успехами тому, что на его стороне было единство действий, а жители края разделены были нерешимостью, страхом и разногласием. Присягнувшие Мухаммед-Эмину джубские старшины из фамилии Казы, Мухаммед и Али-бей, самые замечательные люди в настоящее время между черкесским народонаселением береговой линии, стараются доказать на деле, что присяга их была вынужденная и ни к чему их не обязывает. До 1846 года они были непримиримыми нашими врагами, а с того времени постоянно искали нашего расположения. После отбытия Мухаммед-Эмина, откинув всякие опасения, что их могут обвинить перед наибом, который наказывает заключением в темницах непокорных ему людей, джубские старшины продолжают посещать укр. Тенгинское и оказали нам услугу, не имевшую до сего времени примера. В ночь с 9 на 10 сентября кочерма, шедшая из Новороссийска с пор-

ционным вином для гарнизонов укр. Вельяминовского и форта Лазарева, стала против Джубы на каменный риф и, получив сильное повреждение, оказала течь. Мухаммед Казы с младшим братом своим Ногоем поспешил немедленно на берег для спасения экипажа и груза и послал нарочного к воинскому начальнику укр. Тенгинского – уведомить о крушении судна. До прибытия на берег джубских старшин окрестные горцы открыли по экипажу ружейный огонь, овладели кочермой и начали ее грабить. Посредничеством Мухаммеда и Ногоя Казы грабеж был остановлен и отнятые у экипажа вещи были ему возвращены. Когда на помощь к кочерме прибыли азовский баркас и другая частная кочерма из укр. Тенгинского, то джубские старшины, прислали своих людей помогать солдатам [684] перегружать вино, и стянуть с рифа кочерму. Поступок джубских старшин был первый в своем роде и особенно замечателен по нынешним обстоятельствам края, между тем как Мухаммед-Эмин рассчитывал, что пример покорности ему джубских старшин увлечет за собой все народонаселение Черноморской береговой линии. В тех местах, где еще не был Мухаммед-Эмин, жители со страхом ожидают его вторжения. Одни из них приготавливаются к приему его и намерены присягнуть, а другие, напротив, собираются оказать сопротивление вооруженной силой. Из последних племя Гуая*, живущее в нагорной полосе окрестности форта Лазарева, поклоняясь идолам, вооружается для защиты веры своих предков против мусульманства и строит каменные завалы в теснинах, ведущих в их долины. Убыхи, по требованию Мухаммед-Эмина, послали к нему старшин, но и они не имеют желания подчиниться его власти.

Мухаммед-Эмин требует от

народонаселения Черноморской береговой линии набора для себя всадников и уплаты налогов. Большая часть жителей отказала во всадниках, отвечая, что если они пожелают вести войну с русскими, то найдут их у себя дома, но на некоторые общества падает подозрение, что они намерены исполнить требования наиба. Начальник 2-го отделения, ген.-м. Вагнер, подозревая в том жителей ущелий Адербе и Мезыб, находящихся в окрестности Геленджика, требовал к себе их старшин, но они не явились, опасаясь не нас, а Мухаммед-Эмина. Случай этот заставляет еще более ценить поведение джубских старшин. Хотя признание власти Мухаммед-Эмина и данная ему присяга жителями чрезвычайно вредны в том отношении, что он может потом опираться на них, как на право, но события эти можно было бы еще оставить на этот раз без внимания, как преходящее зло, вынужденное неблагоприятными обстоятельствами, если предположить, что жители, опомнясь от первого страха, найдут потом возможность и будут иметь волю устроить сопротивление и уклониться от власти наиба. Набор же для него всадников составляет такое зло, которое не может быть нами терпимо, и требует непрямого противодействия, как неизбежная причина войны. По неимению средств к защите народонаселения и устройству в самом народе сопротивления, необходимость указывает на один только возможный способ для удержания жителей от совершенной покорности наibu: противодействовать страху, внушенному в жителях Мухаммед-Эмином, страхом нашего оружия. Гнев наиба тем более на них действует, что они, надеясь на снисходительность нашу, не опасаются с нашей стороны неприязненных действий. Надобно вывести их из этого заблуждения. Я разрешил ген.-м. Вагнеру разорять те аулы,

* Гуая – адыгское субэтническое подразделение, влившееся в состав натухайцев и шапсугов. В. И. Ворошилов отмечает, что «начиная от р. Аше, натухайские общества, жившие вдоль юго-восточного берега Черного моря, имели сверх общего племенного названия, другие, отдельные, по имени урочищ: Гоае или Шехокуадж, далее на юго-запад по порядку следовали Цюхук, Шимитокуадж и Хизе». (Ворошилов В. И. История убыхов. Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века. Майкоп: Афиша, 2006. С. 49-50). Леонтий Люлье отмечал, что гоае занимали долины рек Аше, Дзешь (Свирская щель, совр.), Копсе (Куапсе, совр.) и Псеэюе (Псеэуапсе, совр.): «Значительность этого племени доказывается ныне числом фамилий, слившихся с натухажцами и шапсугами. Главные дворянские фамилии этого племени Карзейк и Куйецоук; княжеская же – Шесхако пресеклась». (Люлье Л. Я. О натухажцах, шапсугах и абдзехах // Записки кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн. IV. Тифлис, 1857. С. 178, 185). Гоае у Дж. Белла названы Вая и такая транслитерация встречается еще у ряда авторов. (Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов / Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Т. 1. Нальчик: Эль-фа, 2007. С. 82, 389, 401 и др.). На место проживания гоае-ваия указывал в начале XX в. топоним Гвай, где был основан поселок Алексеевка: «это место прежнего черкесского аула и по старому здесь называется Гвай». (Доброхотов Ф. П. Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Петроград, 1916. С. 227). В 1911 г. на карте к путешественнику Г. Москвича русский поселок еще носит адыгское название: (Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. СПб., 1911). Хан-Гирей перечисляет 12 натухайских фамилий, которые являлись по происхождению Хгоае: Хгоае-р, Куфване-р, Екоасе-р, Ккедьне-р, Ххакуппе-р, Медядекко-р, Ушше-р, Мрзе-р, Навве-р, Мемете-р, Пшьутче-р, Тххатиле-р. (Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 209).

ИСТОРИЯ АДЫГОВ В ДОКУМЕНТАХ АКТОВ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

которые пошлют к Мухаммед-Эмину всадников, быстрыми набегами и морскими наездами по мере возможности. Прекращение меновой торговли составляет сильное средство для наказания жителей, но может быть употребляемо только в виде временной меры, с осторожностью и не на всех пунктах. Народонаселение средней части береговой линии постепенно сблизились с нами посредством торговли. Если повсеместно прекратить торговлю, и особенно на продолжительное время, то с ней разрушится единственная связь между нами и народонаселением, для которого тогда не будет уже никаких побудительных причин искать нашего расположения. В этих видах Хаджи-Мухаммед совершенно запрещал горцам вести с нами торговлю и успел прекратить ее на 8 месяцев, но, наконец, навлек на себя общее их неудовольствие. Сулейман-эфенди, действуя осторожнее, только ограничил торговлю и Мухаммед-Эмин принял эту же систему. В 1-м отделении береговой линии, кроме выгоды торговли, жители удерживаются еще страхом нашего оружия. По свойству местности этого отделения и по числу расположенных в нем войск, отряды наши могут там проникнуть везде между морем и военной чертой от Новороссийска через форт Раевский и Гостагай до Варениковской пристани, но интересы и развитие городов Анапы и Новороссийска основаны на торговле с горцами.

По последним известиям, Мухаммед-Эмин собирал ополчение для движения в страну беглых кабардинцев, по приглашению жены кн. Хасаева, которая просила его вывести ее с места жительства со всеми крестьянами.

АКАК. Т. X. С. 683 - 684.

Извлечение из рапорта ген.-адъют. Будберга кн. Воронцову, от 24 октября 1850 года, N 111.

После донесения моего, от 17 октября, N 107, начальник 1-го отделения вице-адм. Серебряков сделал решительное и успешное движение на северный скат Кавказского хребта и разорил устроенное Мухаммед-Эмином в долине укр. Худако.

Движения войск 1-го отделения ограничивались до сего времени пространством между морем и [685] военной линией, идущей от Новороссийска через форт Раевский и укр. Гостагаевское к Варениковской пристани. Жители этого пространства постепенно доведены были до полупокорности частым выказыванием военных сил наших, быстрыми и внезапными появлениями в разных пунктах для разорения жилищ враждебных нам обществ и хищников и строгим следованием принятой системе приучить жителей к беспрепятственному пропуску наших войск через их земли, внушая им и исполняя на деле, что невинные ни в чем про-

тив нас не должны опасаться появления войск и что всякое сопротивление движениям наших отрядов влечет за собою разорение аулов. В последние годы отряды наши проходили в пределах 1-го отделения без выстрела и жители, не обращая на них никакого внимания, не выказывая даже любопытства, занимались полевыми работами на пути прохождения войск. Были случаи, что они сами указывали нам жилища хищников, желавших вредить нам. Недостаток войск не дозволял нам распространить этой полезной, оправданной опытом, системы действий за пределы 1-го отделения. Много затруднений, потерь и опасности представлял переход за эти пределы через высокий хребет и лесистые горные теснины, в край хорошо населенный и пересеченный местными препятствиями, для небольших отрядов, собираемых из большей части гарнизонов Анапы и Новороссийска, оставляя между тем пункты эти под защитой слабых сил не на короткое время. Но ограничивая движения наши в пределах известного пространства и никогда за них не переступая, мы не могли достигнуть всех полезных последствий, каких должно ожидать от этой системы, потому что народонаселение этого пространства не могло избежать влияния своих враждебных соплеменников, живущих на северном скате. Последние безнаказанно могли вторгаться в пределы 1-го отделения и, подобно нам, содержать жителей его в страхе оружия, с той разницей, что от правильных движений войск легче уклониться, чем от набегов хищнических партий. Много раз ближние натухайцы просили нас, не только словесно, но и письменно, построить укрепление на Адагуме для их прикрытия, обещая в таком случае гласно принять нашу сторону. Но в последних событиях быстрые успехи Мухаммед-Эмина склонили большую часть ближних

натухайцев в его пользу, не многих из них против воли, с надеждой освободиться от его власти при первом удобном случае. События эти показали решительную необхо-

дательности навести страх на тех и других и обуздать последние.

С этой целью вице-адм. Серебряков стянул 8-го октября к форту Раевскому отряд из частей гарнизонов Анапского и Новороссийского, в составе: пехоты 2,180, иррегулярной конницы 330 чел. и артиллерии 10 орудий. По позднему прибытию Анапского отряда и необходимости дать ему отдых, вице-адм. Серебряков отложил переход через хребет до следующей ночи, с намерением исполнить его скрытно от горцев. 9-го числа он отвлекал внимание неприятеля в другую сторону, в чем легко мог успеть, предпринимая движение за хребет в первый раз. В полночь с 9-го на 10-е число отряд перешел за хребет в Баканское ущелье, глубокое и поросшее лесом, и — не замеченный горцами — следовал некоторое расстояние по ущелью. Ночью, однако же, жители ущелья заметили, наконец, наше движение и подняли тревогу. К рассвету отряд перешел к перевалу в долину Худако через горную ветвь, ограждающую с левой стороны по пути следования Баканское ущелье. С рассветом началась перестрелка и, по мере движения войск вперед, силы неприятеля постепенно возрастали. 10-го октября вице-адм. Серебряков достиг до укрепления, построенного Мухаммед-Эмином. Оно состояло из палисада, замыкавшего правильный четырехугольник, около 50 сажень длиной и 40 шириной, и обнесенного снаружи рвом, который не был еще окончен. Внутри были бревенчатые строения, для помещения мечети, судилища, гарнизона и склада запасов. Под судилищем устроена

Мухаммед-Амин (Магомед-Амин, аварец из рода Асиялав) (1818-1863) — наиб Шамиля в Черкесии в 1848-1859 гг. Мухаммед-Амин был призван абадзехами, направившими к имаму Шамилю депутацию с просьбой прислать к ним своего представителя, который смог бы объединить народ. Российский источник характеризовал политическую обстановку в Черкесии в период прибытия наиба следующим образом: «Магомет Амин явился в благоприятное время для исполнения своих видов. В последнее десятилетие общее направление умов у западных черкесов постоянно клонилось к устройству из всего народонаселения одного политического целого. Все начинания в этом роде оставались безуспешными, по духу самостоятельности обществ и фамилий. В народе явилось убеждение, что только постороннее лицо и помощь извне могут произвести между ними политический переворот, который они признают полезным для противодействия нашему оружию и водворения внутреннего порядка к охранению прав собственности».

Мухаммед-Амином была создана система административного управления Черкесией. Вся ее территория была разделена на участки по сто дворов в каждом. В свою очередь, каждый участок подразделялся на пять отделений. Низшей ступенью административной лестницы являлся аульский сход. Каждый из участков управлялся избранным народом старшиной, которого называли мухтаром. В распоряжении мухтаров находились военнослужащие, которые именовались мутазигами. Определенное количество административных участков объединялось в округ. В каждом округе было учреждено центральное управление под названием мекеме. Руководили округом муфтий и три кадия. При каждом мекеме находились мечеть, мусульманское духовное училище, помещение для судей, муфтия и кадиев, конной стражи, провиантский магазин. Центральную власть осуществлял действовавший при Амине меджлис. По мере надобности созывались съезды старшин. На высшей ступени административной системы управления стоял сам Мухаммед-Амин, всемерно стремившийся укрепить свою власть.

В государстве, созданном Мухаммед-Амином, происходила постоянная противоборство двух тенденций общественного развития: унитарной, осуществлявшейся наибом и его приверженцами в виде военно-теократических форм организации власти; демократической, сформированной на основе древних адыгских институтов. Акции, направленные на сдерживание аминовского авторитаризма, предпринимали не только шапсуги и натухайцы, но и сами абадзехи. По временам Амин оказывался почти полностью без народной поддержки и был вынужден скитаться из одного абадзехского района в другой.

После капитуляции Мухаммед-Амина в ноябре 1859 г., адыгское общество вернулось к собственным принципам организации конфедеративного государства во главе с коллегиальным руководством — меджлисом. (По материалам исследования: Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII — 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. С. 91-136).

димость оградить ближних натухайцев от влияния их соседей, чтобы не потерять плоды прежних усилий наших и неприятельскими действиями против жителей северной по-

была тюремная яма для содержания осужденных на заключение. После непродолжительной пушечной пальбы по укреплению, войска двинулись на штурм его, но горцы, не

выждав нападения, бежали. Вице-адм. Серебряков приказал сжечь палисад и все строения, возведение которых стоило горцам трудов нескольких месяцев. Судя по наружному виду укрепления, оно, кажется, предназначалось Мухаммед-Эмином только для утверждения его владычества над местными жителями. Ночь провел отряд при гряде пепла, оставшегося от укрепления. 11-го октября продолжалось движение по долине Худако, очень многолюдной и плодородной, а по выходе из нее, отряд перешел через рр. Псиф, Напиль и Хопс и остановился на ночлег при устье Псебепса, в 5 верстах от укрепления при [686] Варениковской пристани. В последние два дня отряд прошел более 80 верст, сражаясь на каждом шагу с неприятелем, который не прекращал перестрелок и ночью. 12-го он двинулся мимо укрепления у Варениковской пристани, по дороге к укр. Гостагаевскому, при котором провел ночь. 13 октября дошел он до Сефербеевской батареи, находящейся в 6 верстах от Анапы. Оттуда прислал ко мне вице-адм. Серебряков предварительное краткое донесение об этом быстром и блистательном движении по земле враждебных горцев. Подробный журнал бывших в продолжение этого движения дел с неприятелем я еще не получил. Вице-адм. Серебряков доносит, что неприятель не переставал на всем пути упорно с разных сторон нападать на отряд и доходило до жарких схваток. Все жилища на пути с богатыми хлебными запасами преданы огню. Потеря наша состоит в числе: убитых 5, раненых 36 (в числе их обер-офицер 1) и 3 всадников Анапского горского полускадрона; контужено 10 (в числе их всадник 1). Движение это имело благоприятное последствие. При начале собрания отряда никто из жителей окрестности форта Раевского не явился к вице-адм. Серебрякову, несмотря на вызов их старшин. По прибытии отряда к укр. Гостагаевскому, депутации от ближних натухайцев, присягнувших Мухаммед-Эмину, униженно и с полной покорностью просили пощады, общая выполнить все наши требования.

АКАК. Т. X. С. 684 - 686.

Рапорт вице-адм. Серебрякова кн. Воронцову, от 5 октября 1851 года, N 125.

Дела у горцев не приняли никакого решительного оборота, но заметно, что ниспровержение власти Мухаммед-Эмина у натухайцев и части шапсугов на северной покатоности Кавказского хребта не имеет еще прочного основания. Духовенство предложило возобновить два укрепленные судилища, разрушенные в Худако и Антхыре, и взамен первого построено уже в долине Тхаитхль, между Худако и Адагумом, на развалинах древнего укрепления, но-

ИСТОРИЯ АДЫГОВ В ДОКУМЕНТАХ АКТОВ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

вое, в которое даже введены муллы и кадии. Хотя в этом действии не принимала участия главная масса населения натухайцев и шапсугов, которая остается при прежнем намерении не признавать над собой власти наиба и искать сближения с нами; но, во всяком случае, оно доказывает, что Мухаммед-Эмин имеет на своей стороне довольно сильную партию в этих племенах и что духовенство не утратило еще своего влияния.

В последнем донесении моем я имел честь довести до сведения в. с., что ко мне приезжали в Керчь три убыха, по одному от каждой из трех сильнейших фамилий этого племени: Берзекоев, Дзеушей и Дешенов, просить меня о вступлении с убыхами в переговоры. Я также имел честь довести в. с. (вашему сиятельству. — Прим. С. Х.) о данном им ответе, что я исполню их желание и не запрещаю им немедленно возобновить торговлю в укреплениях, но соли отпускатся им не будет. Отправясь вместе с ними на пароходе, я имел более свободного времени говорить с ними подробно. Я поручил им передать народу, что я хотя и готов выслушать его просьбы, но не предвижу [688] никакого успеха в переговорах, если он не обдумает зрело своего положения и не приготовится к принятию таких условий, которые могли бы положить прочное основание окончательному сближению между нами и собственному их благосостоянию. Объяснив им мнение мое, изложенное в последнем донесении моем к в. с., об условиях, которыми они полагают удовлетворить нас и добиваются получить для себя, я дал им понять, что уступки их незначительны и не имеют для нас никакой цены; что многолетняя опытность научила уже нас вовсе не дорожить такими отношениями, какие были у нас с горцами до последнего разрыва с ними, и что для собственной своей пользы они должны искать в русском правительстве то, чего напрасно добивались от чуждых к ним пришельцев: народного благоустройства и спокойствия. В заключение всего я объявил им, что только при трех главных условиях переговоры мои с убыхами могут привести к успешному окончанию: 1) присяга жителей на верноподданство Г. И. (государю императору. — Прим. С. Х.); 2) выдача аманатов из почетнейших фамилий по моему выбору, и 3) устройство общего народного суда, с подчинением его тому лицу, которое будет приставлено от правительства. Последнее условие необходимо для управления народом и для приведения в какое-нибудь единство раздробленных частей его, которые состоят из фамилий, имеющих каждая из них полную самостоятельность. Взамен принятия этих условий я обещал ходатайствовать: об

уважении их веры и народных обычаев, сколько последние могут согласоваться с покорностью правительству; о дозволении им отправляться для торговых дел в Турцию; об отпуске им соразмерного количества соли; об изъятии из рекрутской повинности и податей и внушил им, что, вверив судьбу свою попечению могущественного и милостивого монарха, они могут ожидать от щедрот Е. В. (его величества. — Прим. С. Х.) всего полезного для своего благосостояния. В бытность с этими тремя убыхами в Новороссийске, я приказал сводить их в Азиатскую школу и они были приятно поражены попечительностью правительства о воспитании детей горцев, а особенно тем, что дети обучаются мухаммеданскому закону.

На последнем возвратившемся с линии пароходе доставлен в Керчь из укр. св. Духа, под строгим караулом, выдававший себя между джигетами за уполномоченного от турецкого султана, о котором я имел честь доносить в. с. в рапорте, от 30 июля, N 105. На снятых с него нескольких допросах он объявил, что настоящее имя его Заа Эленканло (?) (вопрос проставлен в оригинале. — Прим. С. Х.), что он уроженец из Чечни, лет за 18 назад оставил свою родину, переселился в Турцию и служил в войсках турецких и египетских; что в Турции дали ему имя Зеке-рья Абдулла и что по семейным делам два года назад он возвращался на свою родину, но узнав о событиях у кубанских черкес, решил оказать услугу русскому правительству, в надежде получить впоследствии достойное вознаграждение, и для того выдал себя за наиба, с намерением действовать таким образом, чтобы уронить в мнению народа и даже погубить Мухаммед-Эмина. Далее он утверждал, что, не успев вкратце в доверенности Мухаммед-Эмина и исполнить своего намерения отравить его, он добровольно явился в укр. св. Духа в сопровождении джигетов. Он сознался, что выучился в Турции делать фальшивые монеты и, живя в горах, выпустил несколько десятков фальшивых русских монет рублевого достоинства. Он находится теперь в Керчь-Еникальском военном госпитале для излечения от болезни. По показаниям этого человека, выставляющим такие отвратительные правила, ведется переписка об открытии его соучастников.

22 августа я отправился из Керчи на пароходе для осмотра береговой линии и, прибыв 26 числа в Сухум, принял 29 числа того же месяца, по разрешению в. с., переход через Цебельду и Кавказский хребет на северную его покатость. Со мной следовали: заведывающий штабом моим, генерального штаба полк. Карлгоф, корпуса топографов кап. Рябов, адъютант мой лейтенант Стеценко, цебельдин-

ский пристав кап. Кобылянский, корпуса горных инженеров пор. Абрицкий и переводчик сотник Давид Ду. После трудного перехода по горной местности Цебельды, я на 8 день следования моего, 5 сентября, перешел Кавказский хребет по Марухскому перевалу и присоединился к отряду ген.-м. кн. Эристова, вышедшего ко мне навстречу к подошве Маруха. Совершенно доверяясь местным жителям, я следовал без всякого военного прикрытия, по невозможности взять его с собой. Меня сопровождал шт.-к. кн. Батал-бей Маршаниа, с прикрытием из туземной милиции, или, правильнее сказать, партии и они совершенно оправдали мою доверенность. Короче ознакомясь с цебельдинцами, я нашел в них много похвальных качеств, видел и недостатки их, но по справедливости отдаю им преимущество перед другими племенами, населяющими край береговой линии. Если после примеров восстания [689] против правительства и смут в Цебельде могло оставаться сомнение насчет ее жителей, то поведение их в последние годы и провод меня по своему краю удостоверяют в том, что они чтут священный долг свой к правительству. Как главную опору нашу в крае составляют князья его, то имею честь представить на милостивое внимание в. с. заслуги их. Я подробнее развил в записке настоящее положение Цебельды.

АКАК. Т. Х. С. 687 - 689.

**Рапорт ген.-л. Рашпиля
ген.-л. Завадовскому, от 4
декабря 1851 г. N 273.**

В последнем донесении моем по делу хамышейского народа, от 24 ноября, N 262, я имел честь сообщить вам о встретившейся необходимости двинуть немедленно войска наши за Кубань. Эта необходимость произошла вследствие представления самих князей и дворян хамышейских, оправдывавших медленность и нерешительность своего народа тем, что только один аул Энем явно противится присяге, выдаче аманатов, поведение же его в этом случае имеет большое влияние на все бжедуховские аулы, хотя и питающие миролюбивое расположение, но готовые подражать его примеру. По характеру действий горцев, всегда готовых следовать примеру не только одного аула, но даже отдельных лиц, если только они имеют целью вражду к русским, я вполне создавал справедливость объяснения князей и дворян и лучшим средством выйти из нерешительного положения счел — немедленно двинуть отряд за Кубань, прямо на Энем, с тем, чтобы, в случае сопротивления его присяге, сжечь или истребить до основания этот аул, всегда нам враждебный. Но вместе с тем, имея в виду, что если при самом начале приведения под власть Е. И. В. целого народа на-

чать истребление и разорение жителей, то подобные действия оставят в умах народа весьма невыгодное для нас впечатление, а, следовательно, и тайное нерасположение к новому правительству, — чтобы уладить это дело средствами более миролюбивыми, имеющими в глазах самих хамышейцев вид справедливости и законности, я объявил князьям и дворянам, что буду ожидать решения всех аулов 23 и 24 чисел, а 25 весь аул Энем должен прибыть в мостовое Алексеевское укрепление, где будет собран отряд, и если к вечеру 25 числа не присягнут энемцы, то с рассветом другого дня я иду к аулу и непременно сожгу его.

Утром 25 числа прибыли энемцы и привезли с собой аманатов: одного из дворянской фамилии Шумануко, а другого, как они говорят, сына почетнейшего тлоктля (простого свободного черкеса); [609] но, хорошо зная положение дел черкесских, вам, вероятно, известно, что энемцы недавно изгнали от себя фамилию Шумануко, которая постоянно владела этим аулом, следовательно, ни в каком случае, дворянин этой фамилии не мог служить залогом верности Энема.

Между тем, присланный от вас л.-гв.-ротм. Султан-Сагат-Гирей обнаружил, что другой аманат был сын не почетного тлоктля, как говорили энемцы, но крестьянина, недавно выкупившегося на волю, и точно также как и Шумануко плохо обеспечивал нам присягу этого аула. Дальнейшие переговоры не повели ни к чему, и я на другой день, в 6 часов утра, двинулся к аулу собранный отряд, состоявший из 9 рот, 3 сотен и 8 орудий.

Не доходя версты две до аула, на уроч. Терияшх, встретили нас 24 чел. почетнейших жителей Энема с изъявлением готовности от имени целого аула присягнуть и выдать аманатов из фамилий, какую им укажут. Находя возможным без кровопролития исполнить предписание ваше, я принял от этих лиц присягу и аманата из фамилии Диде, самой почетнейшей в Энеме, но с тем, чтобы тотчас хозяева домов целого аула вышли к отряду и приняли присягу. Через час требование это было исполнено и еще 40 чел. энемцев присягнули.

Окончив дело с Энемом, мне уже нечего было делать в целом Воркокуадже (так называется часть Хамышей, где лежат аулы: Энем, Тохтамукай, Кушмезукай, Шагандукай, Бжегокай и Иналмезук) и я повернул отряд влево, параллельно Кубани, по полосе аулов, называемых Пшичеу. Пройдя версты три по этому новому направлению, отряд остановился для принятия присяги от аулов Тохтамукай и Кушмезукай. Здесь присягнули 23 чел. из первого аула и 5 чел. из второго. Отряд же, продолжая движение, пришел на ночлег к уроч. Шеледжи,

где в 5 часов остановился бивуаками.

По условию, на другой день должны были к 10 часам утра собраться жители остальных аулов Воркокуаджа и всего Пшичеу, и потому отряд оставался на бивуаках, и когда к означенному времени не приехал ни один человек и получено сведение, что аул Хату-хабль, сильнейший в Пшичеу, вовсе отказывается от присяги, то войска снялись с позиции и двинулись немедленно к этому аулу, находящемуся от места ночлега в расстоянии не менее 10 верст. Версты за полторы от Хату-хабля, у леса Терейшхан, дожидались жители аула Шенжи, где они, числом 54 чел., приняли присягу и выдали аманата из дворянской фамилии Кусох.

Войска же продолжали дальнейшее наступление. Прибытие войск к Хату-хаблю имело то последствие, что тотчас же выехали почетнейшие лица для переговоров; но, не вступая с ними ни в какие переговоры, им объявлено, что если они через полчаса не примут присяги и не выдадут аманата, то аул будет сожжен.

Угроза эта и приготовление к атаке аула имели свое действие. В означенный срок аманат из дворянской фамилии Хатуко был привезен и жители вышли к присяге, однако же, по позднему времени, присягу отложили до другого дня. Отряд же пошел на ночлег к аулу Таркано-хабль, тоже колебавшемуся в принятии присяги. С появлением войск и этот аул, подобно Хату-хаблю, изъявил готовность принять присягу. Близ этого аула, на уроч. Псеух, в 5 часов, отряд остановился на ночлег.

С 7 часов утра 28 числа стали являться в отряд один за другим все аулы Пшичеу, для принятия присяги. В этот день присягнули аулы: Тугурукай — 18 чел., Хату-хабль — 21 чел., Лакшукай — 19 чел. (из этого аула взят аманатом сын простого смайля Шовшенука), Сентези — 5 чел., Хатлукай — 66 чел., Пшегатлукай — 34 чел., Шагандукай (из Воркокуаджа) — 8 чел., и два княжеских аула Хаджимуко, кн. Джанкыша Хаджимуко, который и выдал аманатом своего сына за всю фамилию Хаджимуко, и аул Крымчерио-хабль, кн. Инжара Крымчериоко, выдавшего аманатом своего сына за фамилию Крымчериоко.

В принятии присяги прошел целый день, в продолжение коего войска оставались на бивуаках на прежнем месте, что было и необходимо по причине изнурения людей от дурной погоды.

29 числа, в 9 часов утра, присягнул последний аул хамышейский Крымчерио-хабль, кн. Едича Крымчериоко, — 9 чел. С тем вместе хамышейский народ может, кажется, считаться верноподданным Е. И. В.

АКАК. Т. Х. С. 608 - 609.